

Эриксон Э. В. Китайцы как самостоятельная раса. По личным наблюдениям // Вестн. Европы. 1905. № 1. С. 174–211. [Ehrikson Eh. V. Kitajcy kak samostoyatel'naya rasa. Po lichnym nablyudeniyam // Vestn. Evropy. 1905. № 1. S. 174–211.]

Статья поступила в редакцию 27.12.2013 г.

УДК 316.462 + 342.5

Л. Н. Мазур

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКОЙ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Рассматриваются теоретические и исторические аспекты становления сельской бюрократии как особой социальной группы. Выделяются этапы эволюции бюрократии, ее структура, функции на разных этапах и формирующиеся модели господства. Основное внимание уделено характеристике первой стадии становления сельской бюрократии, ее составу, функциям и роли в сельском обществе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: бюрократия в России; сельская бюрократия; эволюция структуры и функций; место в системе власти.

Бюрократия и модели власти

Бюрократизация — сложное явление, тесно связанное с профессионализацией государственного аппарата, формированием особой социальной группы — чиновничества, обладающей не только специфическими (управленческими) функциями, навыками и знаниями, но и властными полномочиями. Появление понятия «бюрократия» связывают с именем французского экономиста Винченца де Гурне (1712–1759), который в 1745 г. употребил его для обозначения формирующейся в обществе системы управления, основным элементом которой выступал чиновник, а инструментом — документ. Де Гурне использовал и другое слово — «бюромания» (*bureaumanie*), которым обозначался нерациональный способ осуществления власти [см.: Скупенски].

Таким образом, понятия «бюрократия» и «чиновник» изначально имели негативные коннотации, были тесно связаны между собой, но все же не совпадали полностью. Представления о бюрократии включают в большей степени функциональные смыслы. Понятие «чиновник» отражает статусные, профессиональные черты определенного социального слоя, включенного в узком смысле в систему государственной службы, а в более широком современном понимании — в административные структуры вообще.

Позднее происходит расширение социального наполнения понятия «бюрократия». Если первоначально его употребляли только в связи с правительственными учреждениями, то сейчас его используют при оценке системы управления любой организации, имеющей штат управленцев. В результате сегодня мы говорим о корпоративной, партийной, профсоюзной, научной, сельской бюрократии. Причем каждая из этих профессиональных подгрупп будет иметь как общие типичные, так и специфические черты [см.: Латова]. К типичным чертам относится специализация и разделение управленческого труда; иерархическая структура власти, закрепленная в управленческой вертикали; регламентация труда, прав и обязанностей управленцев; обезличенность отношений в системе управления. В условиях отсутствия системы контроля бюрократии усиливаются такие негативные проявления, как слепое следование инструкции; консерватизм; авторитаризм. Остановить дегуманизацию системы управления могут только демократические механизмы. Интересно, что практически все европейские буржуазные революции прошли под лозунгами борьбы с бюрократией, однако уничтожить бюрократическую систему не смогли: главным итогом всех социальных потрясений нового времени стало создание некоторых механизмов контроля над ней, но не более того.

Каждая управленческая модель порождает свой тип бюрократии. А. В. Оболонский, рассматривая концепции бюрократии и ее исторические варианты, выделил четыре основных типа [см. подробнее: Оболонский, 2007]: «веберовский» идеальный тип рациональной бюрократии; «марксовый» критический тип [см.: Макаренко, 1985]; «азиатский»/имперский; и «западный»/реалистический тип. Первые два имеют ярко выраженный теоретический характер и рассматривают явление бюрократии с разных концептуальных позиций: либо как рациональную деятельность (социологический подход), либо как абсолютное зло (философский подход). Другие два типа представляют собой исторические модели, связанные с определенной системой государственности — авторитарной (имперской) или демократической. На них мы остановимся подробнее, т. к. они представляют методологическую ценность для понимания особенностей сельской бюрократии.

Бюрократия восточного или азиатского типа настолько тесно связана с системой государственного управления, что практически сливается с ней, приобретая неограниченную власть и влияние на общество. Система управления жестко структурирована по иерархическому принципу с преобладанием вертикальных связей. В такой системе возможны только административные механизмы контроля власти чиновников. В качестве классического примера восточной модели бюрократической власти обычно приводят императорский Китай с его многоуровневой структурой чиновничества, неограниченной властью над подданными, фактической бесконтрольностью и особой системой отбора чиновников на посты, аттестацией, а также развитой практикой наказаний. Верховная власть, используя административные рычаги, пытается ограничить произвол чиновников, но практически всегда проигрывает. Для азиатской модели характерен авторитарный тип чиновника/руководителя.

В отличие от восточной модели, западная бюрократия не сливается полностью с государственным аппаратом и правительством, хотя и имеет привилегированный

статус. Главное отличие европейской модели — использование демократических механизмов контроля, что позволяет держать бюрократию в разумных и рациональных границах. Иерархическая система управления формирует не только вертикальные, но и горизонтальные отношения власти. Для данной модели господства характерно преобладание бюрократии рационального типа, близкого к веберовскому. Она отличается высоким уровнем профессионализации, разделением труда и относительной эффективностью.

Развитие бюрократии в России шло в целом по восточному варианту. И приказной системе управления, и более поздней имперской системе (царской и советской) были свойственны такие черты, как полная зависимость нижестоящих от вышестоящих; опора на принцип личной преданности; безынициативность, т. к. в условиях жесткой вертикали власти более всего ценится исполнительность; коррупционность и склонность к злоупотреблениям; низкий уровень профессионализации. В российской чиновничьей среде всегда преобладали неформальные отношения, отсутствовала четкая специализация, ценилась преданность, а не компетентность. Хотя на протяжении XVIII–XX вв. неоднократно предпринимались попытки привить на российскую почву европейскую бюрократическую модель, они не увенчались успехом. В результате сложился промежуточный вариант: по форме (наличие коллегиальных органов и демократических институтов) соответствующий западным образцам, но по содержанию сохранивший восточные черты. В борьбе азиатской и европейской моделей власти в России постоянно побеждает ее восточная разновидность, лишенная ограничений не только демократического, но и традиционного характера (религия, национальная культура, традиции), что было свойственно классическим азиатским моделям.

Таким образом, основным источником формирования бюрократии выступает государство и власть. Создание аппарата управления и выделение чиновников как особой социальной группы, реализующей властные функции, создает необходимые предпосылки для процессов бюрократизации, но достаточными они становятся только в условиях профессионализации управленческой деятельности и расширения источников рекрутирования бюрократии (не только за счет высших слоев общества — аристократии, дворянства, но и других социальных групп).

Усложнение и дифференциацию социальной структуры бюрократии можно рассматривать как основную тенденцию развития, связанную с ее интеграцией во все общественные макро- и микроструктуры (община, общественные организации, предприятия, учреждения). В XX в. бюрократизация достигает своего логического завершения и приобретает черты всеобщности, пронизывая все уровни управления и все организационные структуры, в том числе общественные, политические, творческие, промышленные, финансовые и пр.

Бюрократизация общества (по вертикали и горизонтали) и реализация концепта господства разворачивается как исторический процесс, включающий следующие стадии¹:

¹ Хронологические рамки определены для России.

— XVI–XVIII вв. — бюрократизация государственного центрального аппарата управления, которая в России получает развитие вместе с формированием централизованного государства и продолжается вплоть до конца XVIII в. (губернской реформы 1775 г.);

— Конец XVIII–XIX в. — бюрократизация не только органов центральной власти, но и местного аппарата управления, в том числе в сельской местности;

— XX в. — бюрократизация социальных микроструктур (учреждений, организаций, предприятий). Этот этап связан с формированием профессионального менеджмента, который претендует на универсальность и всеобщность, доводя до логического завершения отчуждение системы управления от человека.

Выделенные этапы универсальны по содержанию и последовательности, но имеют в разных странах временные отличия, поскольку динамика бюрократизации конкретного общества зависит от темпов его развития, зрелости, социально-экономических предпосылок и цивилизационных особенностей. В России бюрократизация получает развитие достаточно рано, уже на этапе формирования централизованного государства, и институционально оформляется в рамках приказной системы. На каждом этапе бюрократизация постепенно охватывает все новые общественные структуры, т. к. управление является базовой функцией любой организации.

Уровень бюрократизации находит свое отражение в изменении численности чиновников. Хотя имеющиеся в литературе сведения по этому вопросу весьма противоречивы, все же они дают основание говорить о постоянном росте бюрократии. По данным Б. Миронова, в первой половине XIX в. количество государственных чиновников выросло более чем в 3 раза (с 0,6 чел. на 1 000 населения до 2,0), затем следует относительное сокращение (до 1,6 чел. на 1 000 населения в 1913 г.), хотя в абсолютных показателях их численность продолжала расти [см.: Миронов, с. 203]. По переписи 1897 г. в России (без Финляндии) с учетом внетабельного чиновничества насчитывалось 435 818 чел. [см.: Денисова]. В 1913 г. при населении в 155,4 миллиона человек на каждого из 575 тысяч предполагаемых чиновников приходилось 270 граждан России [см.: Писарькова, 2004а].

Новый скачок численности чиновников наблюдается в советский период (1922 г. — 5,2 чел. на 1 000 населения; 1940 г. — 9,5; 1950 г. — 10,2; 1985 г. — 8,7) [см.: Миронов, с. 203–204]. Постсоветская Россия дает нам пример абсолютного торжества бюрократии, не ограниченной никакими механизмами контроля. На сегодняшний день ее численность достигает 996 596 человек (не считая депутатов и сотрудников МВД, ФСБ и т. д.) [см.: Сколько чиновников...]. По данным на 2010 г. в среднем на 1 000 человек населения в РФ приходится 11,5 работников государственных органов и органов местного самоуправления [см.: Рейтинг субъектов...].

Положительная динамика численности чиновников характерна для любой страны — в этом видится объективная закономерность, связанная с усложнением системы управления, ее профессионализацией. Кроме того, важным субъективным фактором роста численности управленцев является внутреннее стремление

бюрократии к воспроизводству и расширению. Характерно, что рассматриваемая динамика имеет не линейный, а циклический характер: выделяются периоды резкого роста аппарата управления, которые сменяются небольшим снижением численности чиновников, являющимся, как правило, результатом целенаправленных кампаний власти и поэтому непродолжительным.

Циклы бюрократизации в России тесно связаны с реформами государственного управления, отражающими колебания между коллегиальной (демократической) и централизованной (авторитарной) моделью управления с общей тенденцией к укреплению управленческой вертикали, т. е. централизованной системы [см.: Мазур; Mazur]. Возможно, она является наиболее подходящей для российской государственности, поскольку обеспечивает единство и управление огромной территорией. Но вместе с тем данная модель лишена защиты от негативных последствий бюрократизации, т. к. демократические механизмы контроля в ней отсутствуют, а административные — не работают. В результате формируется особый тип бюрократии, отличающийся гипертрофией всех существенно-негативных характеристик, в том числе неэффективностью.

Топография бюрократии

Помимо общих закономерностей развития российской бюрократии, следует иметь в виду также топографические/пространственные особенности ее эволюции, которые пока наименее исследованы. В целом изучение бюрократии имеет обширную историографию, в рамках которой выделяются несколько направлений:

— теоретико-социологические исследования, направленные на осмысление самого феномена бюрократии и ее роли в обществе [см., напр.: Битэм; Бурдые; Вебер, 1990; 1994; Доунс; Макарин; Макаренко, 1996; Нестик; Пушкарева; Спиридонова и др.]. Среди базовых работ по теории бюрократии следует, конечно, отметить труды М. Вебера, который сумел отказаться от эмоционально-оценочного восприятия бюрократии и раскрыть ее рациональную природу и особенности функционирования. Он первым подошел к пониманию бюрократии как кадрового ресурса системы управления. Он стал рассматривать бюрократизацию с позиций рационализации управленческой деятельности, перевода ее в профессиональную, технологическую плоскость, побочными результатами чего стали такие негативные явления как дегуманизация, волокита, уклонение от принятия решений, выбор нерациональных решений в сочетании с коррупционными практиками, карьеризм и пр. Именно с ними в обыденном сознании соотносится представление о бюрократии;

— история государственного управления, изучающая становление и эволюцию государственных институтов, т. е. той среды, с которой непосредственно связана бюрократия и которая в значительной мере определяет ее функциональные, поведенческие и социологические характеристики [см., напр.: Румянцева, Сенин; Архипова, Атаманчук; Ерошкин, 1968; 1975; 1981; 1985; Оболонский, 2002; 2007; 2010; Краснов; Троицкий; Шумилов и др.];

— история чиновничества как социального ядра бюрократии [см.: Оболонский, 1997а; 1997б; Карнович; Миронов; Шепелев и др.]. Для данного направления характерен подход к изучению чиновничества с позиций сословно-профессиональной группы, реализующей властные функции и имеющей внутренние закономерности эволюции;

— изучение исторических типов, социальной структуры бюрократии, ее групповых характеристик [см.: Богатырева; Гимпельсон; Демидова; Зайончковский; Козлова; Лысенко; Любина; Мерзлякова; Мохов; Писарькова, 1995; Редин и др.]. В последние годы усилился интерес к проблемам повседневности, образа жизни, социального облика чиновников разных эпох и категорий.

Среди проблем истории бюрократии наименее изученными остаются вопросы ее внутренней стратификации, имеющей не только вертикальную, но и горизонтальную (пространственную) структуру. В России фактор пространства всегда играл большую роль, наложил он свой отпечаток и на процессы бюрократизации. В этом отношении правомерно говорить о сельской бюрократии как особой социальной группе, становление и развитие которой приходится на XIX–XX вв. В этот период государственное управление существенно модифицируется: одновременно с развитием центрального государственного аппарата идет распространение бюрократизации вширь, что сопровождается включением в зону ее контроля новых (сельских) территорий и формированием новых категорий бюрократии.

И если процессы становления и развития высшей бюрократии (столичной и провинциальной) достаточно активно изучались в российской исторической науке, то сельская бюрократия (ее состав, характер, функции) остается пока мало исследованной. Может быть потому, что сельская местность и местное самоуправление слабо ассоциируются с государственным аппаратом и его представителями, а чаще противопоставляется им. Активнее всего изучаются институциональные аспекты местной власти, а также проблемы социальной стратификации крестьянства [см., напр.: Безгин; Безнин; Димони; Бондаренко, Малахов, Перебинос; Земцов и др.].

Типографический подход к изучению бюрократии основан на понимании закономерностей реализации власти не только на разных уровнях управления, но и с учетом особенностей ее пространственной организации. В рамках этого подхода выделяются три типа бюрократии: столичная; провинциальная (губернская/областная); сельская бюрократия. Эта типология учитывает структуру государственного управления и непосредственно связана с формированием центрального и местного, а также низового аппарата. Каждый из типов характеризуется определенным ареалом проживания; уровнем концентрации; для них свойственны особые механизмы рекрутирования; социально-профессиональные характеристики и, как результат, свои модели господства (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология бюрократии с учетом топографии

Критерии	Столичная бюрократия	Провинциальная бюрократия	Сельская бюрократия
ареалы проживания	столичные города (Москва, Санкт-Петербург)	губернские/областные города	уездные/районные города, сельская местность
органы управления	центральный государственный аппарат	местные органы государственного управления	органы местного самоуправления/управления
степень концентрации	высокая (предельная) плотность	очаговая концентрация в местных (губернских, областных) административных центрах	низкая плотность, дисперсное расселение в сельской местности
механизмы рекрутирования	назначение преимущественно из элиты	назначение из представителей столичной и местной элиты, а также разночинцев	назначение и частичная выборность из представителей местного сообщества (крестьян, разночинцев)
социально-профессиональные характеристики	высокий уровень профессионализации и разделения труда с тенденцией к корпоративности, сословной замкнутости	низкий уровень профессионализации и разделения труда	отсутствие профессионализации, разделения труда, многофункциональность
модели господства	зависимость от вышестоящих, административные механизмы контроля, авторитарная система управления. Азиатская модель господства	зависимость от центра и от региональных элит, авторитарная система управления. Традиционная азиатская модель господства	зависимость от местного (деревенского) сообщества. Демократическая модель господства , основанная на признании традиционных ценностей и патриархальности

Топография бюрократии позволяет выделить ареалы ее концентрации — это, прежде всего, столичные города, где она зародилась и где сила и влияние бюрократии максимальны, а концентрация приближается к критической массе, управлять которой очень сложно. Недаром одним из мероприятий Сталина была частая смена, высылка партийной, советской и хозяйственной номенклатуры в отдаленные районы, а часто — расстрел. Репрессии стали одним из наиболее эффективных механизмов контроля советской бюрократии в условиях отсутствия демократии. Отличие столичной бюрократии состоит в том, что для нее характерен высокий удельный вес высших чинов. По данным Л. Ф. Писарьковой в 1832 г. в столице было 13 528 чиновников и канцеляристов, из них низшие чины (9–14 класса) составляли 54 %, а канцелярские служители — 25 % [Писарькова, Российский чиновник...], т. е. удельный вес средних и высших чинов в составе столичной

бюрократии составлял 21 %. Думается, что подобная структура вполне типична и для более позднего времени.

Далее выделяются губернские/провинциальные города — административные центры, где ряды бюрократии рекрутируются из двух основных источников: за счет столичной и местной элиты (она занимает высшие посты: так центральная власть пытается контролировать местную), а также разночинцев, в том числе хозяев/руководителей промышленных, торговых организаций и учреждений. Для провинциальной бюрократии характерна внутренняя дифференцированность, возникающая под воздействием разновекторных сил влияния: 1) чиновники, занимающие высшие посты в местной администрации (губернаторы, председатели казенных палат, председатели палат уголовного и гражданского суда), тяготеют в социальном и карьерном отношении к столичной бюрократии; 2) чиновники среднего и нижнего уровня управления, они ориентированы на местные элиты (торговую и промышленную), которые контролирует финансовые потоки. В этих условиях чиновничество часто «переходит на службу» хозяев города, переставая соблюдать государственные интересы. Структура провинциального чиновничества отличается от столичного в сторону уменьшения доли чиновников среднего и высшего рангов (около 90 % принадлежали к низшим чинам и канцеляристам) [см.: Писарькова, 2004б].

Наименьшая концентрация бюрократии наблюдается в сельской местности. Здесь формируется специфическая прослойка управленцев, очень немногочисленная, но достаточно влиятельная. Сельская бюрократия отличается по своей структуре и статусу от столичной и провинциальной: в ее составе представлены только низшие чины. Позиции бюрократии в сельском обществе определяются не столько чином, сколько особенностями традиционного сознания, особым сакральным отношением крестьян к власти, что способствовало распространению авторитарного типа чиновника.

Сельская бюрократия появляется сравнительно поздно, в середине XIX в., вместе с формированием системы местного самоуправления. В досоветский период она включала группу должностных лиц, наделенных административными функциями — это земский начальник, волостной старшина, староста, писарь, волостной судья. Для них была характерна выборность, подотчетность обществу, что отличало их от «городского» типа бюрократа. Но самое главное, в сельской местности не было завершено отчуждение должностных лиц от сельского общества, они продолжали оставаться членами социальных сетей, в том числе общинных, семейных, соседских и пр. Таким образом, в отличие от городской среды, в сельской местности объективно получает развитие демократический вариант контролируемой бюрократии, во многом основанный на традиционно-патриархальных отношениях власти.

В целом, изучая процессы становления и эволюции сельской бюрократии как особой социальной группы, можно выделить ряд этапов:

— п е р в ы й э т а п (имперский) становления сельской бюрократии относится ко второй половине XIX — началу XX в.;

— в т о р о й э т а п (советский) соотносится с советским периодом, существенно повлиявшим на все социальные процессы;

— третий этап (постсоветский) был открыт реформами 1990-х гг. и связан с формированием новой системы власти и появлением новой сельской бюрократии.

Они соотносятся с общей периодизацией развития бюрократии, отмеченной выше, но имеют и определенные отличия, связанные в первую очередь с тем, что бюрократизация сельской местности начинается заметно позднее. Остановимся подробнее на характеристике первого этапа становления сельской бюрократии и особенностях реализуемой на данном этапе модели господства.

Сельская бюрократия позднеимперской России

Крестьянское самоуправление в России зародилось очень давно: упоминание отдельных его элементов встречается в документах XVI–XVII вв., в частности земские старосты отмечены в именном указе 1661 г. царя Алексея Михайловича [см.: Алексеев, с. 99]. Активный процесс строительства местного управления наблюдается в XVIII в., но все мероприятия власти в то время так и не завершились созданием какой-либо унифицированной модели управления. Только в ходе реформ 1837–1841 гг., реализованных графом П. Д. Киселевым в соответствии с «Учреждениями сельского управления» (1838) [см.: Учреждения...], государственные крестьяне, с учетом поселенческой структуры, были организованы в сельские общества (не более 1 500 ревизских душ) и была создана система сельского самоуправления, которая включала сельский сход, сельского старшину и старост, а также сельскую расправу. Эта структура стала впоследствии основой для организации земского самоуправления. В целом реформирование системы сельского управления завершилось к 1889 г., когда был введен институт земских начальников, включивший ее в управленческую вертикаль.

Сложившаяся имперская система сельского управления имела три уровня организации (уездный, волостной, общинный), на каждом из которых создавались свои органы управления (см. табл. 2), они формировались по смешанному административно-выборному принципу. На уездном уровне сельское управление было представлено уездным съездом, земским начальником и становым приставом. Волостной уровень включал аналогичные структуры (волостной сход, волостного старшину, волостное правление, писаря, урядника, волостной суд). На низовом уровне к органам управления относились: сельский сход и выборные должностные лица (сельский староста, сборщик податей, смотритель магазина, сотские, десятские и др.).

Особенностью созданной во второй половине XIX в. системы сельской власти было сочетание традиционных и инновационных форм управления и контроля, позволявших достаточно эффективно решать проблемы землепользования, обеспечения порядка, налогообложения и пр. Для нее была характерна интегрированность органов управления различных уровней, совмещение функций административной, полицейской и судебной власти, концентрация властных полномочий в руках определенных должностных лиц, прежде всего земского участкового начальника, волостного старшины и сельского старосты. Именно они составляли костяк сельской бюрократии, их дополняли полицейские чины — становой пристав и

урядник, которые хоть и не относились к местному самоуправлению, но были олицетворением государства: им непосредственно подчинялись выборные лица — сотские и десятские. Урядник считался на подведомственном участке «хозяином», хотя чин имел весьма скромный.

Таблица 2

*Система административно-судебной власти в сельской местности Российской империи в 1889–1917 гг.**

Орган власти	Структура, состав	Функции
Уездный уровень		
Уездный съезд	Выборный представительный, судебный орган. Включал: административное присутствие: председатель (уездный предводитель дворянства), земские начальники, исправник, председатель уездной земской управы и податные инспектора; судебное присутствие: председатель (предводитель дворянства), члены окружного суда, земские начальники, городские судьи, почётные мировые судьи уезда	Судебные, распорядительные, контрольные: утверждение приговоров волостных и сельских сходов; увольнение от службы и предание суду должностных лиц сельского и волостного уровня; рассмотрение жалоб на земских начальников; утверждение отчетов; пересмотр решений волостных судов и земских начальников
Земский начальник	Назначался министром внутренних дел по представлению губернатора	Административные, судебные, контрольные: решение вопросов землепользования, надзор за крестьянами и деятельностью местного самоуправления
Становой пристав	Назначался губернатором	Исполнительные, полицейские, судебные
Волостной уровень		
Волостной сход	Состоял из выборных на 3 года сельских и волостных лиц во главе со старшиной, а также «десятидворников» — выборных от каждых десяти дворов	Распорядительные, представительские: выбор волостных должностных лиц, представителей на съезд для выбора гласных в уездное земское собрание; разрешение хозяйственных нужд волости; утверждение приговоров сельских сходов; проводил раскладку рекрутской повинности и т. д.
Волостной старшина	Выбирался из домохозяев, находился на жаловании у общества	Исполнительные, представительские, судебные: административно-хозяйственные, фискальные, полицейские функции, в том числе выполнение решений уездного съезда, земского начальника, податного инспектора, станowego пристава

Окончание табл. 2

Орган власти	Структура, состав	Функции
Волостное правление	Состояло из старшины, всех сельских старост или помощников старшины, сборщиков податей, одного-двух заседателей и писаря	Исполнительные, контрольно-совещательные функции, утверждение расходов из мирских средств
Волостной писарь	Назначался земским начальником	Организационные функции: ответственность за делопроизводство правления и суда, ведение судебных заседаний
Полицейский урядник	Назначался становым приставом	Исполнительные и судебные функции: поддержание порядка, расследование уголовных преступлений
Волостной крестьянский суд	Три судьи и председатель, избирались волостным сходом сроком на три года	Судебные функции

Сельская община

Сельский сход	Состоял из домохозяев	Выборные, распорядительные, контрольные, судебные. Выборы должностных лиц и наблюдение за их деятельностью; назначение выборных на волостной сход; выбор кандидатов в волостные судьи; прием в общество и увольнение из него; передел земли и распределение ее между членами общества; раскладка мирских и казенных повинностей; назначение опекунов и попечителей и наблюдение за их деятельностью; вопросы семейных разделов; назначение вознаграждения избранным должностным лицам; принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок; назначение ссуд из запасных сельских хлебных магазинов и др.
Сельский староста	Избирался из числа домохозяев	Административные (организация работы сельского схода и контроль выполнения решений схода, волостного схода и правления), хозяйственные, полицейские, судебные; распоряжение мирскими средствами
Выборные должности: сборщики податей, десятские, сотские, смотритель запасного хлебного магазина и др.	Избирались из числа домохозяев	Фискальные, полицейские, представительские

*Составлено по: [Волостной старшина...; Общее положение о крестьянах; Материалы...].

Особое место в структуре сельского управления занимали сельский староста и волостной старшина, которые были основной исполнительной властью на уровне общины и волости, выполняя не только административные, но и полицейские, судебные, фискальные и прочие функции. Они получали жалование за свою службу, не компенсировавшее, однако, потерь от сокращения хозяйственной деятельности, поэтому крестьяне шли на эту работу неохотно, особенно на должность сельского старосты. Их деятельность находилась под двойным контролем — вышестоящей администрации и крестьянского сообщества, — что заставляло лавировать, учитывать интересы той и другой стороны [см. подробнее: Безгин, с. 420–445].

Все волостное делопроизводство, в том числе судебное, находилось в руках писаря, который назначался земским начальником из грамотных жителей и получал небольшое жалование. Он вел десятки книг по волостному правлению, готовил решения волостного суда и нередко был единственным грамотным человеком, от которого зависело составление бумаг, прошений, учет доходов и расходов, а также прочих документов. Это делало его, по выражению В. Б. Безгина, «главным лицом в деревне», которое часто подчиняло себе не только старшину, но и волостной суд [см.: Там же, с. 445]. По данным на 1893 г. в 46 губерниях Российской империи насчитывалось 107 815 сельских обществ и 9 573 волости, что позволяет приблизительно определить численность волостных старшин и сельских старост — 117 388 человек, если учесть еще волостных писарей, то в расчете на 1000 населения сельских обществ приходилось 2 должностных лица из числа сельской бюрократии [подсчитано по: Сельское общество...].

Высшим чином в системе сельского управления в большинстве губерний Российской империи был земский начальник, который концентрировал в своих руках административную и частично судебную власть. Земские начальники заменили мировых посредников, а также неперенных членов уездных по крестьянским делам присутствий и мировых судей. Они утверждались министром внутренних дел по представлению губернатора и находились в подчинении уездного съезда и губернского присутствия. Главная задача земского начальника — наблюдать, контролировать правильность выполнения установлений власти. В этом плане земский начальник находился над сельским сообществом и не зависел от него, что уже само по себе свидетельствовало о бюрократической природе данной должности. Земский начальник действовал на основании «Положения об установлениях, заведывающих крестьянскими делами» 1889 г., в ходе аграрной реформы 1906 г. его полномочия в вопросах землепользования были расширены [см.: Коркунова].

Введение должности земского начальника в научной литературе оценивается чаще всего в контексте контрреформ, ограничивших либеральные завоевания 1860–1870-х гг., но, с точки зрения закономерностей развития господствовавшей управленческой модели, оно было вполне логичным, оправданным и закономерным. Все либеральные реформы второй половины XIX в. разворачивались в рамках централизованной министерской системы управления, которая изначально ограничивала возможность демократизации отношений власти.

Таким образом, если обобщить итоги бюрократизации сельской местности в пореформенной России, то они характеризуются незавершенностью и заметными отличиями от системы управления губернского и центрального уровня. Прежде всего, для сельского управления свойственно отсутствие разделения функций и, как следствие, разделения труда и профессионализации — особенность, сохранившаяся и в советский период. Кроме того, в сельском управлении сложился свой механизм рекрутирования: выборный — для общинного, волостного и частично уездного уровня и административный (назначение) — для исполнительных органов уездного уровня.

Такой механизм способствовал формированию особой системы контроля: сельская администрация контролировалась и сверху (губернской властью), и снизу (была подотчетна сельскому сообществу). Наличие демократических процедур в определенной степени ограничивало власть бюрократии и способствовало реализации разных моделей господства (азиатской, патриархальной и демократической) в зависимости от местных условий. При общей тенденции к жесткому контролю местного самоуправления со стороны власти, в сельской местности сохранились сильные позиции сельского сообщества.

Противоречивый характер сельской власти неоднократно подчеркивался исследователями, отмечавшими наличие авторитарных и традиционно-демократических начал во взаимоотношениях власти и сельского общества [см.: Алексеев]. Оценка характера этого явления могла различаться (от прогрессивной до отсталой), но в любом случае она указывает на специфику сельского управления, его отличие от управленческих структур регионального и центрального уровней. Следует также отметить включенность представителей сельской власти в сельское сообщество в экономическом и социальном отношении, что тормозило процессы отчуждения низовой системы управления от общества и ее бюрократизацию.

Таким образом, предложенный нами топографический подход к изучению структуры бюрократии позволяет более глубоко исследовать механизмы господства с учетом пространственных факторов ее функционирования. Сельская бюрократия появляется в середине XIX в. и проходит значительный путь развития, оформившись в специфическую категорию с особым социальным статусом, механизмами рекрутинга и моделями господства, отличными от провинциальной и столичной разновидности.

Благодаря сложившейся в сельской местности более сложной системе контроля, основанной на совокупном влиянии административной, патриархальной и демократической традиций, в сельской местности реализуется более разнообразный спектр моделей господства, среди которых наиболее распространенными были патриархально-демократическая и азиатская. На протяжении всего изучаемого периода (вторая половина XIX — начало XX вв.) сохраняются тесные контакты и включенность сельских чиновников в крестьянское общество, что ограничивало уровень бюрократизации сельской власти и влияло на незавершенность отчуждения населения от власти. Такая ситуация сохраняется вплоть до 2000-х гг. — времени реализации муниципальной реформы, существенно ускорившей процессы бюрократизации сельского сообщества.

Алексеев С. Г. Местное самоуправление русских крестьян, XVIII–XIX вв. СПб. ; М., 1902. 327 с. [Alekseev S. G. Mestnoe samoupravlenie russkikh krest'yan, XVIII–XIX vv. SPb. ; M., 1902. 327 s.]

Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России в XVIII–XX вв. М., 1999. 230 с. [Arhipova T. G., Romyanceva M. F., Senin A. S. Istoriya gosudarstvennoj sluzhby v Rossii v XVIII–XX vv. M., 1999. 230 s.]

Атаманчук Г. В. Государственное управление. М., 2000. 302 с. [Atamanchuk G. V. Gosudarstvennoe upravlenie. M., 2000. 302 s.]

Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М. ; Тамбов, 2004. 304 с. [Bezgin V. B. Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX — nachala XIX veka). M. ; Tambov, 2004. 304 s.]

Безгин М. А., Димони Т. М. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социол. исследования. 2011. № 11. С. 90–102. [Bezgin M. A., Dimoni T. M. Social'nye klassy v rossijskoj kolhozno-sovhoznoj derevne 1930–1980-h gg. // Sociol. issledovaniya. 2011. № 11. S. 90–102.]

Битэм Д. Бюрократия // Социол. журн. 1997. № 4. С. 165–185. [Bitehm D. Byurokratiya // Sociol. zhurn. 1997. № 4. S. 165–185.]

Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 — февраль 1917). Екатеринбург, 2004. 458 с. [Bogatyreva O. N. Evolyuciya sistemy mestnogo upravleniya v Vyatskoj i Permskoj guberniyah (1861 — fevral' 1917). Yekaterinburg, 2004. 458 s.]

Бондаренко С. Я., Малахов Р. А., Перебинюс Ю. А. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х гг. Вологда, 2009. 325 с. [Bondarenko S. Ya., Malahov R. A., Perebinos Yu. A. Provincial'noe chinovnichestvo na Evropejskom Severe Rossii v 1918 — nachale 1950-h gg. Vologda, 2009. 325 s.]

Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2005. 288 с. [Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva. M., 2005. 288 s.]

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с. [Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990. 808 s.]

Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М., 1994. 704 с. [Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva / per. s nem. M., 1994. 704 s.]

Волостной старшина, его права, обязанности и ответственность / сост. К. Ф. Краевский. М., 1899. 205 с. [Volostnoj starshina, ego prava, obyazannosti i otvetstvennost' / sost. K. F. Kraevskij. M., 1899. 205 s.]

Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. 624 с. [Voslenskij M. S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchij klass Sovetskogo Soyuz. M., 1991. 624 s.]

Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998. 258 с. [Gimpel'son E. G. Sovetskie upravlenцы. 1917–1920 gg. M., 1998. 258 s.]

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма М., 1987. 225 с. [Demidova N. F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovanii absol'yutizma M., 1987. 225 s.]

Денисова Е. С. Чиновничество: численность, материальное и правовое положение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historichka.ru/works/chinovniki/>. [Denisova E. S. Chinovnichestvo: chislennost', material'noe i pravovoe polozhenie [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.historichka.ru/works/chinovniki/>.]

Доунс Э. Жизненный цикл бюрократических структур. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spa.msu.ru/spa.php?inform/depspa/technm/GLKupriashin/1_6nov. [Douns Eh. Zhiznennyj cikl byurokraticheskikh struktur. M., 2003. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.spa.msu.ru/spa.php?inform/depspa/technm/GLKupriashin/1_6nov.]

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 352 с. [Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenij dorevolucionnoy Rossii. M., 1968. 352 s.]

Ерошкин Н. П. Самодержавие первой половины XIX в. и его политические институты (К вопросу о классовой сущности абсолютизма) // История СССР. 1975. № 1. С. 37–59. [Eroshkin N. P. Samoderzhavie pervoj poloviny XIX v. i ego politicheskie instituty (K voprosu o klassovoj sushchnosti absolyutizma) // Istoriya SSSR. 1975. № 1. S. 37–59.]

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981. [Eroshkin N. P. Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (pervaya polovina XIX veka). M., 1981.]

Ерошкин Н. П. Местные учреждения дореволюционной России (1800–1860 гг.). М., 1985. [Eroshkin N. P. Mestnye uchrezhdeniya dorevolucionnoj Rossii (1800–1860 gg.). M., 1985.]

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с. [Zajonchkovskij P. A. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. M., 1978. 288 s.]

Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. 448 с. [Zemcov L. I. Volostnoj sud v Rossii 60-h — pervoj poloviny 70-h godov XIX veka (po materialam Central'nogo Chernozem'ya). Voronezh, 2002. 448 s.]

Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. 127 с. [Karnovich E. P. Russkie chinovniki v byloe i nastoyashchee vremya. SPb., 1897. 127 s.]

Козлова Н. Н. Сцены из жизни «освобожденного работника» // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 108–119. [Kozlova N. N. Sceny iz zhizni «osvobozhdenного rabotnika» // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. № 2. S. 108–119.]

Коркунова Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909. Гл. III. § 35. Сельское состояние. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/25204>. [Korkunova N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. SPb., 1909. Gl. III. § 35. Sel'skoe sostoyanie. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://istmat.info/node/25204>.]

Краснов Ю. К. Российская государственность: эволюция институтов власти и проблемы ее модернизации. М., 2001. 208 с. [Krasnov YU. K. Rossijskaya gosudarstvennost': evolyuciya institutov vlasti i problemu ee modernizacii. M., 2001. 208 s.]

Латова Н. Бюрократия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/BYUROKRATIYA.html [Latova N. Byurokratiya. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/BYUROKRATIYA.html]

Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России : дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2000. 515 с. [Lysenko L. M. Gubernatory i general-gubernatory v sisteme vlasti dorevolucionnoj Rossii : dis. ... d-ra. ist. nauk. M., 2000. 515 s.]

Любина Т. И. Уездное чиновничество Тверской губернии в конце XIX — начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1998. 317 с. [Lyubina T. I. Uezdnoe chinovnichestvo Tverskoj gubernii v konce XIX — nachale XX veka : dis. ... kand. ist. nauk. Tver', 1998. 317 s.]

Мазур Л. Н. Бюрократические циклы российской государственности в XVIII–XX вв. и эволюция системы делопроизводства // Делопроизводство. 2011. № 1. С. 111–117; № 2. С. 113–119. [Mazur L. N. Byurokraticheskie cikly rossijskoj gosudarstvennosti v XVIII–XX vv. i ehvoluciya sistemy deloproizvodstva // Deloproizvodstvo. 2011. № 1. S. 111–117; № 2. S. 113–119.]

Макаренко В. П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов н/Д, 1985. 160 с. [Makarenko V. P. Analiz byurokratii klassovo-antagonisticheskogo obshchestva v rannih rabotah Karla Marksa. Rostov n/D, 1985. 160 s.]

Макаренко В. П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. СПб., 1996. [Makarenko V. P. Teoriya byurokratii, politicheskaya oppoziciya i problema legitimnosti. SPb., 1996.]

Макарин А. В. Власть бюрократии. СПб., 2001. 493 с. [Makarin A. V. Vlast' byurokratii. SPb., 2001. 493 s.]

Материалы по земскому общественному устройству : в 2 т. СПб., 1885–1886. [Materialy po zemskomu obshchestvennomu ustrojstvu : v 2 t. SPb., 1885–1886.]

Мерзлякова Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в. (Опыт социально-политической характеристики) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. 228 с.

[Merzlyakova L. V. Chinovnichestvo Vyatskoj gubernii pervoj poloviny XIX v. (Opyt social'no-politicheskoj harakteristiki) : dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 1997. 228 s.]

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.) : в 2 т. СПб., 1999. [Mironov B. N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala XX v.) : v 2 t. SPb., 1999.]

Мохов В. П. Эволюция региональной политической элиты России. 1950–1990-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 642 с. [Mohov V. P. Evolyuciya regional'noj politicheskoj elity Rossii. 1950–1990-e gg. : dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1998. 642 s.]

Нестик Т. А. Бюрократия в зарубежных исследованиях // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 52–59. [Nestik T. A. Byurokratiya v zarubezhnyh issledovaniyah // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1998. № 2. S. 52–59.]

Оболонский А. В. Бюрократия и бюрократизм (К теории вопроса) // Государство и право. 1993. № 12. С. 88–98. [Obolonskij A. V. Byurokratiya i byurokratizm (K teorii voprosa) // Gosudarstvo i pravo. 1993. № 12. S. 88–98.]

Оболонский А. В. На государственной службе: бюрократия в старой и новой России. М., 1997а. [Obolonskij A. V. Na gosudarevoj sluzhbe: byurokratiya v staroj i novoj Rossii. M., 1997.]

Оболонский А. В. На службе государственной: к истории российского чиновничества // Общественные науки и современность. 1997б. № 5. С. 63–76. [Obolonskij A. V. Na sluzhbe gosudarevoj: k istorii rossijskogo chinovnichestva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 5. S. 63–76.]

Оболонский А. В. Бюрократия для XXI века? модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М., 2002. 168 с. [Obolonskij A. V. Byurokratiya dlya XXI veka? modeli gosudarstvennoj sluzhbe: Rossiya, SSHA, Angliya, Avstraliya. M., 2002. 168 s.]

Оболонский А. В. Бюрократия и государство: очерки. М., 2007. [Obolonskij A. V. Byurokratiya i gosudarstvo: ocherki. M., 2007.]

Оболонский А. В. Советский режим: механика властвования // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 135–151. [Obolonskij A. V. Sovetskij rezhim: mekhanika vlastvovaniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 3. S. 135–151.]

Общее положение о крестьянах // Свод Законов Российской Империи. [неофиц. изд.]. СПб., 1912. Т. IX. С. 1–82. [Obshchee polozhenie o krest'yanah // Svod Zakonov Rossijskoj Imperii. [neofic. izd.]. SPb., 1912. T. IX. S. 1–82.]

Писарькова Л. Много ли чиновников было в России? [Электронный ресурс] // Отеч. зап. 2004а. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/mnogo-li-chinovnikov-bylo-v-rossii#t14>. [Pisar'kova L. Mnogo li chinovnikov bylo v Rossii? [Elektronnyj resurs] // Otech. zap. 2004. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/mnogo-li-chinovnikov-bylo-v-rossii#t14>.]

Писарькова Л. Российский чиновник на службе в конце XVII – первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2004б. № 2. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php. [Pisar'kova L. Rossijskij chinovnik na sluzhbe v konce XVII – pervoj polovine XIX veka [Elektronnyj resurs] // Otech. zapiski. 2004. № 2. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Pisar_RossChin.php.]

Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 121–139; № 4. С. 147–158. [Pisar'kova L. F. Rossijskij chinovnik na sluzhbe v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka // Chelovek. 1995. № 3. S. 121–139; № 4. S. 147–158.]

Пушкарева Г. В. Государственная бюрократия как объект исследования // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 77–86. [Pushkareva G. V. Gosudarstvennaya byurokratiya kak ob'ekt issledovaniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 5. S. 77–86.]

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. 608 с. [Redin D. A. Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v ehpoхu petrovskih reform (zapadnye uezdы Sibirskoj gubernii v 1711–1727 gg.). Yekaterinburg, 2007. 608 s.]

Рейтинг субъектов РФ по численности чиновников государственных органов и местного самоуправления на 10 тыс. жителей в 2010 году [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/r_goswork.pdf. [Rejting sub»ektov RF po chislennosti chinovnikov gosudarstvennyh organov i mestnogo samoupravleniya na 10 tys. zhitelej v 2010 godu [Elektronnyj resurs]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/r_goswork.pdf.]

Сельское общество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Сельское_общество. [Sel'skoe obshchestvo // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/ЕНСБЕ/Sel'skoe_obshchestvo.]

Сколько чиновников в России? // Сколько-во.Ру : энциклопедия ответов на вопросы о числах [Электронный сайт]. URL: <http://skolko-vo.ru/art/skolko-chinovnikov-v-rossii.html>. [Skol'ko chinovnikov v Rossii? // Skol'ko-vo.Ru : ehnciklopediya otvetov na voprosy o chislah [Elektronnyj sajt]. URL: <http://skolko-vo.ru/art/skolko-chinovnikov-v-rossii.html>.]

Скупенски К. Влияние информационно-коммуникационных технологий на развитие бюрократии в современной Польше // Документ. Архив. История. Современность : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1–4 ноября 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 45–48. [Skupenski K. Vliyanie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij na razvitie byurokratii v sovremennoj Pol'she // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost' : materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. Yekaterinburg, 1–4 noyabrya 2012 g. Yekaterinburg, 2012. S. 45–48.]

Спиридонова В. И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). М., 1997. 202 с. [Spiridonova V. I. Byurokratiya i reforma (analiz koncepcii M. Kroz'e). M., 1997. 202 s.]

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. 393 с. [Troickij S. M. Russkij absoljutzizm i dvoryanstvo v XVIII v. Formirovanie byurokratii. M., 1974. 393 s.]

Учреждения сельского управления // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. СПб., 1839. Т. 13 (Отделение I). № 11189. С. 602–653. [Uchrezhdeniya sel'skogo upravleniya // PSZ RI. Sobr. 2-e. SPb., 1839. T. 13 (Otdelenie I). № 11189. S. 602–653.]

Шепелев Л. Е. Чиновничий мир России XVIII – начала XX вв. СПб., 1999. [Shepelev L. E. Chinovnichij mir Rossii XVIII – nachala XX vv. SPb., 1999.]

Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991. 218 с. [Shumilov M. M. Mestnoe upravlenie i central'naya vlast' v Rossii v 50-h – nachale 80-h gg. XIX v. M., 1991. 218 s.]

Mazur L. N. Rozwój systemu kancelaryjnego w Rosji (XVIII–XX wiek) jako odbicie procesów biurokratyzacji społeczeństwa // Dzieje biurocracji. T. 4. Cz. 1. Lublin ; Siedlce, 2011. S. 63–79.

Статья поступила в редакцию 21.01.2014 г.